

ББК 87.21

И. Ф. Нагнибида

КРИЗИС ЭКСПАНСИОНИЗМА КАК ЭТАП ЭВОЛЮЦИИ НООСФЕРЫ

Возникновение понятия «ноосфера» в работах французских ученых Эдуарда Леруа и Пьера Тейяра де Шардена в первую очередь связано с грандиозным эволюционным прорывом, совершенным европейской наукой к концу XIX века.

К исходу XIX столетия человеческий гений очертил границы солнечной системы, исследовал потаенные уголки Африки и Австралии, исчислил свойства веществ и человеческой природы. Природные ландшафты всех континентов начинают нести на себе отпечаток преобразующей деятельности человека, самые дальние пределы планеты демонстрируют ростки новой зарождающейся эпохи, которая может быть устроена на новых, «цивилизированных» началах. Европейское платье, европейский стиль жизни, европейская культура замещают все национальное и особенное, создавая новый культурный ландшафт планеты; паровозы, пароходы и телеграф переворачивают представление человека о пространстве и времени.

Всеобъемлющее распространение влияния разума, ставшего основной созидательной и преобразующей силой биосферы, увековечено трудами философов, писателей и поэтов, запечатлено в архитектуре и музыке. Мотив беспредельного экстенсивного распространения сферы разумного «цивилизованного» существования, подчинения пространства деловой активности человека становится ключевой доминантой мировой культуры и во многом способствует становлению ноосферных процессов [3].

«Я считаю себя счастливым, что родился в такой век, когда на наших глазах сделано столько замечательных открытий и еще более удивительных изобретений. Можно не сомневаться, что науке суждено открыть людям много удивительного и чудесного. Я убежден, что открытия ученых совершенно изменят условия жизни на Земле и многие из этих чудесных открытий будут сделаны на глазах нынешнего поколения», — говорил великий популяризатор науки и писатель-фантаст Жюль Верн [2, с. 35].

Казалось, что ноосфера — сфера разумной деятельности человека — состоялась как реальность планетарного масштаба и в ее устойчивом положительном поступательном развитии уже нет никаких сомнений. «И кто осмелится, видя то, что произошло за последние пятьдесят лет, сказать, что это простой мираж?» — писал Пьер Тейяр де Шарден в «Феномене человека» [2, с. 197].

Социальные катаклизмы и техногенные катастрофы XX века заставили усомниться в подобном упрощенном восприятии сферы человеческого разума. Наиболее слабым и неустойчивым звеном становления разумной оболочки Земли оказался сам человек. В короткий, по историческим меркам, период «человек мыслящий», воспетый лучшими образцами гуманистической литературы XIX века, превратился в «человека убивающего и разрушающего», влекомого по жизни только собственным страхом и первобытными инстинктами.

© Нагнибида И. Ф., 2010

2010. Вып. 2. Философия •

«Мы превратились в опасных зверей. Мы не сражаемся, мы спасаем себя от уничтожения. Мы швыряем наши гранаты в людей, — какое нам сейчас дело до того, люди или не люди эти существа с человеческими руками и в касках? В их облике за нами гонится сама смерть... нами овладевает бешеная ярость, мы уже не бессильные жертвы, ожидающие своей судьбы, лежа на эшафоте; теперь мы можем разрушать и убивать, чтобы спастись самим, чтобы спастись и отомстить за себя... Мы утратили всякое чувство близости друг к другу, и когда наш затравленный взгляд останавливается на ком-нибудь из товарищей, мы с трудом узнаем его. Мы бесчувственные мертвецы, которым какой-то фокусник, какой-то злой волшебник вернул способность бегать и убивать» [5, с. 23].

События Первой мировой войны, описанные в романе Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен», не без оснований названы прологом XX века. Трудно было даже представить, что в центре Европы, в колыбели европейской культуры может вспыхнуть пожар двух мировых войн, унесших жизни многих миллионов и нанесший непоправимый урон культурным и природным памятникам. Явный мотив мировой войны — экспансия, передел существующих границ влияния человека на ландшафты Земли. Но несмотря на тяжелые последствия вооруженного противостояния европейских народов, мощь преобразующих сил, а также скорость распространения влияния человека приобретают исключительно значимый характер. В дополнение к периодически разгорающимся военным конфликтам губительный урон биосфере наносит невероятный размах промышленного производства, ставший настоящим экологическим бедствием. «История человечества, — считает Э. Д. Шукуров, — представляет собой историю его конфликтов с природой. Различие заключается лишь в масштабах, и современное состояние отличается тем, что локальные очаги переросли в глобальный кризис» [7, с. 4].

Постепенно в интеллектуальной части общества растет понимание того, что ключевой проблемой современности становится вопрос осмысленного и взвешенного применения технических возможностей, используемых для преобразования сил природы. В этих условиях с необходимостью должна возрасти роль нравственных категорий и духовной составляющей человека. К сожалению, конец XX века продемонстрировал нам образцы нравственного упадка и духовного оскудения личности. Дегуманизация вошла в противоречие с существованием всего живого на Земле, стала отрицанием возникающих ноосферных структур. На фоне роста «цивилизованных» основ жизни человека и разрушительных процессов в природной среде возникло новое социальное явление — овеществление человеческой личности, сужение горизонта человеческой жизни до потребительской точки «здесь и сейчас».

Каковы вероятные причины происходящего? Каким образом избежать угрозы «обрушения» возникшей оболочки ноосферы под весом несовершенства человеческой природы?

Картина духовного оскудения личности, на наш взгляд, является обратной стороной культуры активной смены и покорения земного пространства, что влечет за собой нивелирование интимного жизненного круга человека, так называемого «ближнего плана» личности. Ближний план — это чувство малой родины, интимные впечатления от природы, близких людей, иными словами, это те впечатления, которые нарабатываются годами тихой оседлой жизни и составляют основу нравственного и душевного здоровья человека. Активная смена жизненного пространства, варварски и бездумно пропаган-

дируемая медийными средствами, разрушает ближний план, приводит к душевному надлому, нарушению социальных коммуникаций. Но вместе с тем чужой, не связанный с собственной культурной традицией, вновь обретенный природный ландшафт является обезличенным и открытым для бездумной эксплуатации. «Озеро и река перестали быть домом для водяного и русалок, а это была просто вода, которая крутила колесо лесопилки» [4, с. 234].

Невероятно точно момент разрушения личного пространства русской дворянской семьи и мира русской усадьбы XIX века показал А. П. Чехов в пьесе «Вишневый сад». В пределах выкорчевываемого и уже поделенного на дачные участки вишневого сада персонажи пьесы ищут и не могут обрести душевное равновесие, не могут понять друг друга. Прежний жизненный уклад оказался разрушен, а вместе с ним исчезла органичная связь с природой, людьми и собой. Быстротечность стала основной приметой жизни и привела к коренному изменению всех ее сфер — от экономической до сугубо личной. Темпы изменений оказываются слишком быстрыми для восприятия их человеком, а концептуальное оформление накопленного опыта может потребовать времени больше, чем жизнь самого человека. «Человеческая душа не может выдержать той скорости, которой от нее требует современная цивилизация, это требование имеет тенденцию превратить человека в машину. Возросшая специализация ведет к обеднению и разрушению целостности человеческой личности» [1, с. 159].

Мощь и сила изменений, присущая человеку конца XX века, не только преобразовала природные ландшафты Земли, но и уничтожила множество локальных самобытных культур, органично проживающих в этих ландшафтах. К примеру, оригинальные образцы культур аборигенов Австралии и Тасмании исчезли вместе с носителями этих культур либо превратились в пустую фольклорную условность и представляют собой декоративный фон для туристических маршрутов европейских путешественников. Следует отметить, что культура никогда не была мыслима вне природного ландшафта, который придает ей неповторимую индивидуальность, а замещение автохтонных культур «цивилизованными» европейскими образцами входит в противоречие с особенностями мест проживания человека в природной среде, а также, что в большей степени важно, нарушает устойчивость мировой культуры в целом. Устойчивость культуры по отношению к внешним условиям окружающей среды обеспечивается многообразием элементов, ее составляющих, а также числом установленных связей внутри системы. Если допустить, что экспансивная политика замещения автохтонных культур в природных ландшафтах Земли ведет к уменьшению числа связей между составляющими элементами, то в этом случае следует ожидать в недалеком будущем культурного кризиса в планетарных масштабах. Не исключено, что уже сегодня мы становимся свидетелями глобального кризиса, в который, как в воронку, затягивает любое творческое и личностное начало.

Вероятно, мы находимся на пике активности (состояние фазового перехода) воздействия человека на внешнюю среду. Культурный кризис повлечет за собой спад в научных и технических областях, обеспечивающих эту активность, а человечество перейдет к решению прикладных проблем (нехватка ресурсов, экология, терроризм, локальные конфликты, медицина). Уже сейчас мы ощущаем кризис целеполагания науки — человечество не готово ответить на вопрос о том, в каком направлении развиваться, при условии, что достигнут предел земной поверхности.

Спад активности позволит сохранить самобытность локальных культур, в иных условиях обреченных на вымирание, а становление ноосферных процессов получит более поступательное, равномерное развитие.

Канун XXI века положил предел концепции экстенсивного развития, разрушив основания одной из парадигм европейской культуры, существовавшей на протяжении последних 500 лет, — экспансионизма. Нет оснований считать, что становление ноосферы будет остановлено подобным кризисом. Смена культурной парадигмы — еще один пример того, как живое Земли продемонстрировало свою способность к самосохранению и более устойчивому эволюционному развитию.

Библиографический список

1. Бердяев Н. А. Человек и машина // Вопр. философии. 1989. № 2. С. 147—162.
2. Брандис Е. Интервью с Жюлем Верном // Вокруг света. 1966. № 9. С. 34—39.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 270 с.
4. Неизвестный И. И. Пасынки асфальта. М. : АСТ, 2009. 471 с.
5. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен. М. : АСТ, 2009. 317 с.
6. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М. : Наука, 1987. 240 с.
7. Шукуров Э. Д. Кризис природы и природа кризиса // Гуманитарный экологический журнал. 1999. Т. 1., вып. 1. С. 4—7.